

An impressionistic painting of a window scene. In the foreground, a round glass vase holds a bouquet of purple and white flowers. The window is open, revealing a lush green landscape with a fence and trees on the left, and a vast green field under a purple and blue sky on the right. The painting style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a rich color palette.

Борис
Соколов

В поисках
смысла

Борис Иванович Соколов

В поисках смысла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36080883

В поисках смысла:

ISBN 978-5-907030-36-7

Аннотация

Перелистывая публикации столетней давности, трудно избавиться от ощущения роковой предопределенности событий, в которых действовала скрытая сила, весьма повлиявшая на распад империи, когда Россия, кровью умытая, погрузилась в хаос. Потрясения тех лет не могли кануть бесследно – эхо нам от них аукается и сегодня. Но мы-то сами разве сильно изменились? Нет, кардинально изменился мир с его ложным движением по пути так называемого прогресса. А мы по-прежнему не можем в целом сберечь свою самость, теряем голову от всевозможных завиральных идей и невообразимых соблазнов. К тому же все мы, земляне, до сих пор не удосужились принять решительные меры к достойному сохранению планеты, нашего общего Дома – к защите его от последствий глобальной «цивилизации», продолжающей с завидным упорством уничтожать природу. От всего этого не находишь покоя. И, словно к неотложной помощи, прибегаешь к памяти – к предкам, к их образу жизни, ко всему доброму, что они хранили. И хочется сохранить хоть что-то и в своих потомках.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Борис Иванович Соколов

В поисках смысла

*Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...*
А. Пушкин

© Б. И. Соколов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Часть первая

Листая страницы

В своё время Россия слыла самой читающей страной в мире – и в этом не было преувеличения: газеты, тонкие и толстые журналы славились миллионными тиражами; не отставали и книги, для которых тиражи 50 – 100 тысяч экземпляров были не редкость. Читали повсюду (заметнее всего это было в городах): в электричке, в трамвае, в автобусе, в метро непременно попадались пассажиры с раскрытой книгой или с журналом в руках. Популярность таких, например, журналов как *Новый мир*, *Москва*, *Наш современник* была такова, что подписка на них нелегко доставалась.

С перестройкой, когда появилось множество публикаций, обнародывающих то, чего раньше в печати не могло быть, когда открылись архивы, – какое – то время продолжался настоящий бум, процветали всевозможные издания (появились и новые, например: *Слово*, *Кубань*, *Наше наследие* и др.). Но длилось это недолго – очень скоро всё сожрал алчный, ненасытный рынок.

Из страха, что былое роскошество может утонуть в необъятном море информации, как – то подзабыться, – возникает желание попытаться удержать хоть кое – что из этого недавнего ренессанса. Из публиковавшегося тогда цитиро-

вать можно бесконечно и приходится постоянно сталкиваться с проблемой отбора. Причём иногда цитаты и вовсе не требуют никаких комментариев.

Исполняется 100 лет со свершения двух революций, потрясших Россию. Но и по сей день неумолчное эхо тех грандиозных событий звучит в наших сердцах, всё не утихают споры – что же это было? Весна ли в Феврале? А в Октябре – что, осень? И хочется понять, как сказалось всё это народам, населяющим край Земли самый большой по территории и самый суровый по климату.

В этом юбилейном 2017 – м году мы переживаем этап этой *гегелевской триады*: 1917 год принёс с собой *отрицание* того, что было до этого, затем развитие пошло по кругу, с тем чтобы по истечении примерно одного срока жизни человеческой произошло *отрицание отрицания*, то есть другими словами случилось определённое *возвращение* к когда – то отвергнутому, но всё же в каком – то ухудшенном, карикатурном варианте.

В дневнике своём однажды я уже писал, что на переломе веков девятнадцатого – двадцатого была в империи скрытая – и очень опасная именно потому, что скрытая – сила, которая погубила Россию. И сила эта – интеллигенция. Надо сказать, что позднее по ходу дела она и сама себя подвергла репрессиям. (Но это, разумеется, не те её представители, которые активно участвовали в деятельности земств или учителя – подвижники, зачастую в нелёгких условиях трудившиеся

ся на ниве образования.) Неожиданно, листая страницы изданий конца восьмидесятых и девяностых годов, получил я подтверждение своей – как я думал, крамольной – мысли от весьма компетентного современника трагических событий, написавшего о случившейся катастрофе уже в эмиграции.

Но прежде чем коснуться больной темы, следует прояснить, какой Россия была до этого.

* * *

Анализируя причины русской революции, философ Иван Александрович Ильин писал (как он упомянул в примечании, в основе «этой сводки лежат данные объективного и очень осведомленного английского источника»):

«К внешним причинам присоединились внутренние. Ни те, ни другие сами по себе не были достаточными причинами, но вместе – они довершили беду, и катастрофа разразилась.

В отличие от Франции, переживавшей перед своей большой революцией период упадка, Россия переживала в царствование Императора Николая Второго период бурного роста и расцвета.

За двадцать лет (1894–1914) население её увеличилось на 40 %; урожай хлебов возрос в одной европейской России на 78 %; количество рогатого скота возросло на 64 %; количество добываемого угля увеличилось на 300 %, нефти – на 65 %; площадь под свекловицей увеличилась на 150 %,

под хлопком – на 350 %; железнодорожная сеть возросла на 103 %; золота в Государственном Банке прибавилось на 146 %. Бюджет Министерства Народного Просвещения увеличился на 628 %, число обучающихся в низших учебных заведениях возросло на 96 %, в средних – на 227 %, в университетах – на 180 %. Россия бурно строилась и расцветала; темп этого строительства значительно, иногда во много раз, опережал рост населения и мог соперничать с темпами Канады. Каждое следующее поколение имело бы всё лучшие и лучшие условия жизни...

Перед самым началом революции крестьяне составляли около 80 % всего населения страны. И вот, 79 % земель сельскохозяйственного назначения принадлежало трудовому крестьянству, и только 21 % этих земель можно было причислить к «капиталистическому» землевладению.»

(Иван Ильин, «За национальную Россию», Слово, № 5, 1991.)

«Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда – то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

(Иван Бунин, «Окаянные дни», издательство АЗЪ, 1991.)

* * *

Итак – о роли интеллигенции в революции.

«Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалёва и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный "ко-стяк"...»

(И.А. Ильин, «О революции», Слово, № 10, 1990.)

«Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских людей первого сорта – при всём их критическом отношении к отдельным частям русской жизни, революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта – вроде Горького, историки третьего сорта – вроде Милюкова, адвокаты четвёртого сорта – вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров... Без массовой поддержки этой профессуры революция не имела бы никакой общественной опоры.»

(Иван Солоневич, «Великая фальшивка Февраля», Ку-

бань, № 4, 1990.)

Примером того, на что была способна эта интеллигенция, может быть такой случай. Но прежде чем вспомнить о нём, позволю себе небольшое отступление.

Вообразим ситуацию, сложившуюся в развитом обществе. представим себе, например, европейскую страну конца века девятнадцатого, в которой могло бы произойти следующее: некто – под благовидным предлогом, ловко затемняющим подлый обман – добивается аудиенции у высокого представителя власти и, когда тот собирается ознакомиться с поданным прошением... стреляет в него в упор.

Что должно последовать за этим в нормальной стране? Уходящий вглубь веков, ещё от римского права исторически сложившийся закон должен действовать однозначно: пойманный на месте преступник будет судим и неотвратимо получит должное наказание.

Ну а теперь об имевшем место быть происшествии.

В ходе судебного заседания человеку, вышеописанным образом преступившему закон, судом присяжных выносятся... оправдательный приговор, встреченный рукоплесканиями (!) – и преступник освобождается в зале суда! Случилась, можно сказать, такая *либеральная нелепость* мирового масштаба.

Выше изложены подробности дела Веры Засулич, имевшего место быть в конце семидесятых годов XIX – го века в столице (!) царской России и давшего всей Европе неслы-

ханный пример «демократии».

Тут надо дать отчёт по поводу самого смысла случившегося. Что же это такое – милая, прекраснодушная компашка присяжных на суде вместе с присутствовавшими рукоплескантами? По сути – это срез тогдашнего общества, то есть яркие выразители царящей в нём атмосферы. Присяжные оправдывают террористку, покушавшуюся на представителя власти! И происходит всё это в то самое время, когда уже началась охота на самого царя (*освободителя*)!

Так можно ли было оставаться в уверенности, что после подобных чудес ничего не произойдёт с целой страной?

* * *

Как ни странно – и вопреки распространённым в западных странах сведениям, – Россия начала XX – го века была... либеральнее самой Европы! Мог ли, например, в Германии какой –нибудь деятель культуры, призвавший к свержению кайзера, остаться безнаказанным? Вопрос риторический.

Не то было в России, когда Горький, уже написавший «Песнь о Буревестнике» и, будучи в Нижнем Новгороде членом марксистского кружка, явившийся автором прокламации с призывом к борьбе с самодержавием, в феврале 1902 года... избирается почётным членом императорской Академии! Что ж, ошибку исправляют. Как водится, тут же следуют протесты (в том числе и от почётных академиков Чехова

и Короленко), а сам автор по сути преступного деяния отделяется легко. Осталась в истории говорящая о многом, характерная ирония Николая II по поводу этого «избрания»: «Более чем оригинально».

Как же, однако, по – другому всё это видится с временной дистанции в целый век! Более чем оригинальным можно назвать как раз отношение самого императора к подобным вещам. И столь мягко шутить по такому поводу самодержцу огромной страны выпадет недолго...

Какая атмосфера царила в начале века XX – го в столице империи, когда в интеллигентской среде кружились головы от дарованной манифестом царя свободы, – красочно живописала остроглазая Тэффи в своих воспоминаниях (на склоне лет в эмиграции она сама с изумлением спрашивала себя: неужели всё это было?).

«Россия вдруг сразу полевела. Студенты волновались, рабочие бастовали, даже старые генералы брюзжали на скверные порядки и резко отзывались о личности государя.»

Упомянув, что в литературных кругах созрела необходимость создания газеты либерального направления с привлечением... социал – демократов, Тэффи, сама принявшая в этом участие, обрисовала, как 27 октября 1905 – го года появилась первая «Новая жизнь» с главным редактором Румянцевым – газета, которая пошла нарасхват.

«Газетой интересовалась, конечно, интеллигенция. Новизна союза социал – демократов с декадентами (Минский

и Гиппиус), а к тому же ещё и Горький, очень всех интриговала.

В нашей роскошной редакции и начали появляться странные типы. Шушукались по углам, смотрели друг на друга многозначительно.

В газетном мире никто их не знал. В общем, все они были похожи друг на друга. И даже говорили одинаково, иронически оттягивая губы и чего – то не договаривая.»

(Мне тут вспомнилась старая фотография с членами рабочего кружка с Невской заставы, которым руководил одно время Ульянов – все они, как один, глядели в объектив как – то исподлобья).

И вот однажды...

«В приёмной нашей редакции сидел Румянцев и с ним ещё двое. Один – уже знакомый из «шептунов», другой новый. Новый был некрасивый, толстенький, с широкой нижней челюстью, с выпуклым плешивым лбом, с узенькими хитрыми глазами, скуластый. Сидел, заложив ногу на ногу, и что – то внушительно говорил Румянцеву. Румянцев разводил руками, пожимал плечами и явно возмущался. «Шептун» ел глазами нового, поддакивал ему и даже от усердия подпрыгивал на стуле.»

Что ж, этот «новый» – личность, понятное дело, с ходу узнаваемая, которая, явившись, моментально поставила всё на нужное ей место, подавив разводящего руками несчастного главреда.

«Хронику должны давать сами рабочие» – без абиняков заявил этот новый, которого звали Владимир Ильич.

«– А литературную критику, отчёты о театрах и опере тоже будут писать рабочие? – спросила я.

– Нам сейчас театры не нужны. И никакая музыка не нужна. Статей и отзывов ни о каком искусстве в нашей газете быть не должно. Только рабочие хроникёры могут связать нас с массами.»

Позже была попытка возразить по существу дела:

«– Но ведь нашу газету читают не только рабочие.

– Да, но те читатели нам не интересны.»

(Весьма красноречиво это его категоричное, повторяющееся «нам»...) Тэффи продолжает (не лишнее тут будет напомнить, что упоминает она не просто «город», но это – столица империи!):

«А жизнь в городе текла своим чередом.

Молодые журналисты ухаживали за молодыми революционерками, наехавшими из – за границы.

Была какая – то (кажется, фамилия её была Градусова – сейчас не помню), которая разносила в муфте гранаты, и провожающие её сотрудники буржуазной «Биржевки» были в восторге.

– Она очень недурно одевается и ходит к парикмахеру и вдруг – в муфте у неё бомбы. Как хотите – это не банально. И всё совершенно спокойно и естественно. Идёт, улыбается. Прямо душка!

Собирали деньги на оружие.

Вот такие небанальные душки приходили в редакции газет и журналов, в артистические театров и очень кокетливо предлагали жертвовать на оружие. Одна богатая актриса отнеслась к вопросу очень деловито. Дала двадцать рублей, но потребовала расписку.

– В случае, если революционеры придут грабить мою квартиру, так чтобы я могла показать, что я жертвовала в их пользу. Тогда они меня не тронут.»

Рассказала Тэффи, как в редакцию газеты пришел один тип, собиравший деньги на оружие «в большой бумажный мешок». Сама она от такой чести отказалась, зато оказавшийся здесь английский журналист, сотрудник «Таймс», со смехом дал тому десятирублёвый золотой. А вскоре после этого она нечаянно увидела в дорогом ночном ресторане «собирателя», попивающего шампанское с дамой...

(Цитируется по Тэффи, «Он и они», Слово, № 11, 1991.)

*** * ***

Поистине странные чудеса творились в столице империи с интеллигентными дамами...

«О Коллонтай (рассказывала вчера Щепкина – Куперник):

– Я её знаю очень хорошо. Была когда – то похожа на ангела. С утра надевала самое простенькое

платыце и скакала в рабочие трущобы – “на работу”. А воротясь домой, брала ванну, надевала голубенькую рубашечку – и шмыг с коробкой конфет в кровать к подруге (ко мне): “Ну давай, дружок, поболтаем теперь всласть!”»

(Иван Бунин, «Окаянные дни», издательство АЗЪ, 1991.)

Ну а об участии в тогдашних событиях самой Щепкиной с мужем так отозвался Евтушенко в своей *Антологии*: «Весной 1917 года Польшов и Щепкина – Куперник предоставили свою квартиру для конспиративных встреч большевиков, от которых потом сами спасались во врангелевском Крыму.»

А само это интеллигентское общество, погрузившись в новомодные поветрия, попросту разлагалось. О царившей в нём атмосфере убийственные воспоминания оставил Корней Чуковский: «В 1905–1906 гг. был литературный салон у Николая Максимовича Минского на Английской набережной в доме железнодорожного дельца Полякова. Поляков (родственник Минского) предоставил поэту роскошную квартиру. Минский поселился там с молодой женой, поэтессой Вилькиной. Вилькина была красива, принимала гостей, лёжа на кушетке, и руку каждого молодого мужчины прикладывала тыльной стороною к своему левому соску, держала там несколько секунд и отпускала. Однажды пошёл я с нею и с В.В. Розановым на митинг. Когда ей нравился какой – ни будь оратор, она громко восклицала, глядя на него в лорнет: – Чуковский, я хочу ему отдаться!»

Этому можно было бы не поверить, если бы написал кто — то другой.

* * *

Вернёмся, однако, к Тэффи, продолжающей рассказывать, что дальше происходило в редакции «Новой жизни»:

«Замечая, какую роль играет Ленин среди своих партийцев, я стала к нему приглядываться.

Внешность его к себе не располагала. Такой плешивенький, коротенький, неряшливо одетый мог бы быть служащим где — нибудь в захолустной земской управе. Ничто в нём не обещало будущего диктатора. Ничто не выражало душевного горения. Говорил, распоряжался, точно службу служил, и казалось, будто ему самому скучно, да ничего не поделаешь... держа себя добродушным товарищем, он мало — помалу прибирал всех к рукам и вёл по своей линии, кратчайшей между двумя точками. И никто из них не был ему ни близок, ни дорог. Каждый был только материалом, из которого вытягивал Ильич нитки для своей ткани.

О нём говорили «Он».

— Он ещё здесь?

— Он не придёт? Он не спрашивал?

Остальные были "они".

Он никого из них не выделял. Зорко присматривался узкими монгольскими глазами, кого и для какой цели можно

использовать.

Этот ловко проскальзывает с фальшивым паспортом – ему дать поручения за границу. Другой недурной оратор – его на митинги. Третий быстро расшифровывает письма. Четвёртый хорош для возбуждения энтузиазма в толпе – громко кричит и машет руками. Были и такие, которые ловко стряпали статейки, инспирированные Ильичом.»

«Друзей или любимцев у него, конечно, не было. Человека не видел ни в ком. Да и мнения о человеке был он довольно низкого. Сколько приходилось наблюдать, он каждого считал способным на предательство, на расчёт, на измену из личной выгоды. Всякий был хорош, поскольку нужен делу. А не нужен – к чёрту. А если вреден или даже неудобен, то такого можно и придушить. И всё это очень спокойно, беззлобно и разумно. Можно сказать, даже добродушно. Он, кажется, и на себя смотрел тоже не как на человека, а как на слугу своей идеи.»

В газете стали появляться крамольные статьи и появились признаки того, что «Новая жизнь» со всеми её несбывшимися культурными прожеками непременно прикажет долго жить – и всё это благодаря бурной деятельности Ильича. Но ему – то это было всё равно, ему не привыкать – не в первый раз и не в последний. (Позднее, уже после Февраля, газету возродит Горький под тем же названием, но и этой, второй, уже антибольшевистской, не суждена будет долгая жизнь: она будет закрыта... тем же Ильичом. А Горькому будет

даден добрый совет поехать подлечиться куда – нибудь за границу...)

Свой очерк Тэффи завершает так: «...вся наша литературная группа решила уходить. Попросили вычеркнуть наши имена из списков сотрудников. В этой газете нам, действительно, больше уже делать было нечего.

Просуществовала газета недолго, как и можно было предвидеть. Ленин поднял повыше воротник пальто и, так никем и не узнанный, уехал за границу на несколько лет.

Вернулся он уже в запломбированном вагоне.» (то есть был заслан Германией в Россию, по остроумной реплике Черчилля, – «как чумная бацилла»).

(Тэффи, «Он и они», Слово, № 11, 1991.)

«Боже мой, что это вообще было! Какое страшное противоестественное дело делалось над целыми поколениями мальчиков и девочек, долбивших Иванюкова и Маркса, возившихся с тайными типографиями, со сборами на "крвсный крест" и с "литературой", бесстыдно притворявшихся, что они умирают от любви к Пахомам и к Сидорам, и поминутно разжигавших в себе ненависть к помещику, к фабриканту, к обывателю, ко всем этим "кровопийцам, паукам, угнетателям, деспотам, сатрапам, мещанам, обскурантам, рыцарям тьмы и насилия"!»

(Иван Бунин, «Окаянные дни», издательство АЗЪ, 1991.)

Оказалось, что противостоять в империи этому массовому, организованному и всемерно поддерживаемому интеллигенцией напору революционеров было некому. А.С. Суворин записал в дневник: *«У нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что – то мелкое, какой – то сброд.»*

(К этому стоит лишь добавить, что перед Первой мировой войной большевистская «Правда» печаталась в Петербурге легально!)

В самом деле: во время войны с Германией в российском правительстве с осени 1915 – го по осень 1916 – го года сменилось пять (!) министров внутренних дел, три военных (!) министра, четыре министра земледелия... В тяжелейших условиях страшной войны, как на переправе, «меняли лошадей»? Кто же это делал? Император? Свидетели событий, здравомыслящие современники утверждают, что это было трагическое затмение: советы Николай черпал лишь из одного известного источника.

Уже оставались считанные недели до Февраля. Один из тех честных людей, кто чувствовал приближение катастрофы, председатель IV – й Государственной Думы запросил у императора срочной аудиенции и 7 – го января был принят. Обратившись к царю с горьким выводом, что он счита-

ет «положение в государстве более опасным и критическим, чем когда – либо», Родзянко, изложив отчаянное положение в стране: беспомощность правительства, опасную ситуацию и в армии, и в тылу, да и в самом обществе, – в завершение сказал:

«Точно умышленно всё делается во вред России и на пользу её врагов. Поневоле порождаются чудовищные слухи о существовании измены и шпионства за спиной армии. Вокруг Вас, государь, не осталось надёжного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, а остались только те, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секрет, что императрица помимо вас отдаёт распоряжения по управлению государством, министры ездят к ней с докладом и что по её желанию негодные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными. В стране растёт негодование на императрицу и ненависть к ней... Её считают сторонницей Германии, которую она охраняет. Об этом говорят даже среди простого народа...»

(Слово, № 2, 1990.)

Родзянко отважно откровенен, но в этом деле он не первый, которого Николай просто трагически не слышит. Это было какое – то помрачение, рок. В тяжелейших испытаниях жизнь страны текла отдельно. Царская чета была вне её, фактически отсутствовала.

Во время последней своей аудиенции 10 – го февраля председатель Госдумы заявил царю, что – если не будет при-

нято кардинальное решение в отношении правительства – может разразиться революция. Вероятно, это побудило Николая обсуждать с министрами вопрос об ответственном министерстве. Дума и правительство ожидали решения самодержца. Но он, получил, должно быть, от супруги «мудрый» совет, что армия ждёт своего героя – главнокомандующего – а в Петрограде с положением и без него справятся. И вышло так, что в самый что ни на есть критический момент Николай попросту уклонился от принятия необходимых мер, уехав в ставку.

О том, какое было отсутствие понимания настоящего положения дел у царицы, насколько она была «далека от народа», говорит следующее удивительное событие.

25 – го февраля весь Петроград был охвачен беспорядками – фактически началась революция. Из царского села Александра Фёдоровна отправила мужу в ставку письмо: *«Это хулиганское движение. Мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, – и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам.»*

(«1917–1987, Крах самодержавия», Огонёк, № 8, 1987.)

* * *

После Февраля весь 1917 год в столице империи было

брожение, в народе царили и растерянность, и анархия, случился и расстрел июльской демонстрации. Лишь Ленин с группой заговорщиков твёрдо знали, чего они хотят. Осенью, в связи со слухами о том, что 20 октября ожидается «выступление большевиков» в газете «Новая жизнь» появилась резкая заметка Горького, протестующего против возможного повторения июльского кровопролития. Заканчивалась она так:

«Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20 – го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков.»

(«Нельзя молчать», *Новая жизнь*, № 156, 18 октября 1917.)

Складывается впечатление, что Горький всё же до конца не верил, что этот самый «орган» находится в руках авантюристов.

Нетрудно догадаться, в какую ярость пришёл Ильич от такой инвективы своего друга – писателя и, похоже, поручил дать отпор. Через два дня в газете «Рабочий путь» появился ответ с тяжёлой, ядовитой иронией, в котором Горький был заклеимён ренегатом и «дезертиром из рядов революции». Автором заметки был Сталин.

Как известно, слухи не были ложными – сам Ленин настаивал на выступлении именно в тот день, но восстание было отложено до 25 октября. Уже после переворота Горький опубликовал в своей «Новой жизни» о творящемся в Петербурге и в Москве такие заметки, которые по силе, наблюдательности, широте, горечи и праведном гневе превосходят «Окаянные дни» Бунина! И писались – то они не скрытно, не в спрятанном дневнике, а печатались публично, под носом уже у захвативших власть большевиков. И газета его была обречена. Благо, что всемирный авторитет не позволял власти с ним расправиться. Отправили подлечиться.

Но вот что удивительно. Не какому – нибудь там весьма подкованному классовому врагу, но прозревшему пролетарскому писателю хватило мудрости проникнуть в самую животрепещущую сердцевину трагических событий. И произошло это по одной причине.

Ни Ленин, ни его окружение, взявшие власть над народом русским, не знали его, его нужд и несчастий, так хорошо, как знал Горький – этот бывший босяк, исходивший пешком полРоссии, – который теперь откровенно писал в «Новой жизни» об отсутствии необходимого знания у правителей.

Из местных советов поступали письма наверх о положении дел на местах. Один из тамошних депутатов – меньшевик писал 16 июня 1918 года:

«Если бы вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти

всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции... ненависть бушует среди обывателей, среди мещанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведенного до отчаяния крестьянства и среди рабочих... наступила пора общей апатии и разочарования: "ну вас всех, и большевиков, и меньшевиков, к чёрту со всей вашей политикой"».

(Владлен Сироткин, «Ещё раз о "белых пятнах"», *Страницы истории*, Лениздат, 1990.)

Говоря, что Ленин не знает, чем живёт народ, – Горький был не далёк от истины. *Страшно далеки они от народа* – эти слова Ленина о декабристах были сильным преувеличением, ибо они – то как раз знали свой народ лучше, чем автор этого утверждения. Выросший в городской интеллигентной семье и, по завершению учёбы, сделавшийся профессиональным революционером – теоретиком, он по существу всегда оставался горожанином, для которого жизнь подавляющего большинства крестьянского народа была чистой абстракцией, необходимой для теоретических построений (в таких понятиях – клише, например, как *кулак*, *бедняк* для него не заключалось никакого реального содержания) – о чём писал в своих публикациях пролетарский писатель.

В этой связи любопытны воспоминания одного питерского рабочего, большевика Василия Каюрова, о том, как он, в этот голодный восемнадцатый год, «явившись к Владимиру Ильичу, обрисовал ему в самых мрачных красках настрое-

ние крестьян, их отношение к большевикам.»

Прежде чем вернуться к беседе с вождём, не лишне будет показать, как принимали рабочего – по его же словам – эти самые крестьяне: *«...еду в Симбирскую губернию – на свою родину. Первая деревня от железной дороги – Коки. Останавливаюсь в ней. Прошу крестьянку поставить самовар. Безоговорочно ставит. Робко прошу дать кусочек хлеба, дают белого, горячего. Ещё пытаюсь просить яиц – отказа не получаю.»*

Это по – своему красочное описание никогда не умиравшей в народе доброты и гостеприимства понадобилось ему лишь для того, чтобы показать, что крестьяне не голодают, но настроение у них тово... не понимают, отчего голод в столице и кто его устроил. Активный большевик Каюров изложил вождю, по пунктам, свои предложения по спасению «революционных завоеваний», одно из которых было: «бросить пролетариат в деревню». И в ходе беседы нечаянно обнаружил, что для Ильича это не новость: он давно об этом знает и, похохатывая, говорит, что надо сломать «хребет кулакам». И тут же набросал воззвание к питерским рабочим, как надо ломать этот хребет (Москва. Кремль, 12 – VII – 1918), чтобы поручить товарищу Каюрову отвезти послание в Питер.

В этом воззвании был призыв *«десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба... Революция в опасности. Спасти её может только массовый поход питерских рабочих. Оружия и денег мы им дадим сколько*

удобно. С коммунистическим приветом. Ленин.»

Дальше автор воспоминаний живописует:

«На прощанье тов. Ленин сказал: Собирайтесь, тов. Каюров, организованно и поезжайте. Всё вам отдадим, что имеется на складах России. Уже теперь имеется у Советской власти колоссальное количество конфискованных товаров. Масса оружия, тысячи пулемётов лежат без движения, в особенности много в Вологде.»

Таким вот образом... За хаос и голод, обрушившиеся на Россию с приходом новой власти, должен был ответить... крестьянский народ. А уж для этого и сгодятся «тысячи пулемётов», которые – чистый непорядок! – «лежат без движения».

(Цитаты приведены из заметки Василия Каюрова «Мои встречи и работа с В.И. Лениным в годы революции», *Родина*, № 4, 1989.)

Что касается Горького – это уже потом, после смерти Ленина, Сталин пожелает приручить отступника, будет заигрывать с уехавшим всемирно известным писателем и прилагать усилия к его возвращению – ведь надо же было исправлять этот нонсенс, такой неудобный факт, что певец революции оказался выброшенным из страны...

Как сказалоь на Горьком это «приручение», похоже, не укрылось от наблюдательного Ромэна Роллана, посетившего СССР в 1935 году.

«До сих пор у меня перед глазами стоит лицо Горько-

го, подошедшего с нами к автомобилю: как он бледен, какие грустные и ласковые у него глаза. Конечно, он очень добрый и слабый человек, он идёт против своей природы, совершает большое усилие, чтобы не осуждать ошибки своих могущественных политических друзей. В его душе происходит жестокая борьба, о которой никто ничего не знает.»

В этой дневниковой записи французский писатель выразил своё впечатление от прощания с Горьким при отъезде. Позднее он занесёт в тот же дневник: *«Он очень одинок, хотя почти никогда не бывает один! Мне кажется, что, если бы мы с ним остались наедине (и рухнул бы языковой барьер), он обнял бы меня и долго молча рыдал.»*

(Ромэн Роллан, «Наше путешествие с женой в СССР», Вопросы литературы, № 5, 1989.)

* * *

А. Авторханов, компетентный историк – человек, в своё время учившийся в Институте красной профессуры в Москве и в тридцатые годы работавший в ЦК ВКП(б) и лично знавший деятелей самого Политбюро, – так охарактеризовал некоторых всесильных персон и саму подоплёку Октябрьского переворота.

«Радека я несколько раз слушал в 1934 – 36 годах в Комкадемии на Волхонке... Радек был гениальным авантюристом в большой политике. Это он, закадычный друг и уче-

ник Парвуса, доверенный и орудие Ленина, стоял за спиной Ганецкого, через которого немецкая разведка в лице Парвуса финансировала революцию Ленина. Поэтому Радек был единственным человеком после Ленина, знавшим не только всю подноготную подготовки Октябрьской революции, но и её финансовой базы. Недаром на выборах в ЦК после революции по количеству голосов он шёл вслед за Лениным, впереди Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина... Партия, конечно, ничего не знала конкретно об истинной роли Радека, но она догадывалась, что, если немецкое правительство было финансистом, Парвус посредником, Ганецкий кассиром, то Радек был "Главбухом" Октябрьского переворота, над которым стоял только один Ленин. Никто из них не был настолько идиотом, чтобы давать расписки за немецкие миллионы (кстати сказать, некие историки выдвигают аргумент: раз их нет, этих расписок, – значит и денег никаких не было)... Такая революция должна была подготовить военное поражение России. Здесь интересы кайзера и Ленина шли рука об руку.»

(А. Авторханов, «Утопист Бухарин и реалист Сталин», Слово, № 3, 1991.)

Как замечательно была осуществлена печально знаменитая акция – безопасное и комфортное путешествие (персон, по сути, вражеских) через Германию в пломбированном вагоне, написал Владимир Бурцев в статье «Наше несчастье и наш позор», напечатанной в газете «Общее Дело» 16 октяб-

ря 1917 года:

«Вильгельм II сделал то, чего в его положении никто, никогда, ни для кого не делал: он через свою территорию пропустил подданных воюющей страны... Проклятый Вильгельм хорошо знал, что он делал!»

(Кубань, № 6, 1990.)

* * *

После падения самодержавия обозначенный Сувориным сброд, но уже не дворянский – другой, из низших слоёв, выявил тенденцию плодиться, но в какие – то исторические моменты *мелким* назвать его было трудно, ибо сам о себе он так не думал.

«Поезд Наркомвоена 8 августа 1918 года состоял из 12 вагонов... работу фактически одного Троцкого обеспечивали 232 хорошо обутых, одетых, накормленных человека.» (Тут следует добавить, что «народный комиссар» передвигался под защитой броневика и отрядов: пулемётного, боевого морского, латышского стрелкового полка, кавалеристов – в общей сложности в количестве 85 человек.)

А у императора Всея Руси, пожалуй, подобные вещи выглядели скромнее: поезд был из 8 вагонов и сопровождающих скорее всего было раза в два меньше.

(Данные взяты из Военно – исторического журнала, № 9, 1990..)

Понять немудрено, что случилось в дальнейшем со страной.

*«Если истребили дворян – помещиков, т. е. старый русский культурный класс, одаривший мир Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Тургеневым, Гончаровым, двумя Толстыми и прочими *deis minoribus*; если истребили офицеров, на которых держалась военная мощь, в значительной мере и умственная; если уничтожили бюрократию, которая составляла спинной хребет русской национальной организации; если вылизили русских торговцев и промышленников; если зарезали интеллигенцию – новый культурный класс России, шедший на смену дворянству; если карательными отрядами выжгли хозяйственного мужика, базис мощных низовых русских соков, зародыш будущего культурного класса; если уничтожили Императорскую фамилию, т. е. символ национальной российской государственной структуры, то спрашивается: что осталось от русской нации в смысле "старого мозгового вещества"?»*

(Василий Шульгин, «Что нам в них не нравится», *Кубань*, № 12, 1990.)

В 1918 году Владимир Воейков, последний дворцовый комендант императора Николая II должен был скрываться – его искали, ему угрожал арест. В результате он вынужден был спасаться бегством на юг и оказался в оккупированном немцами Киеве. В Петрограде его жена была взята в заложники и какое – то время содержалась под арестом.

Поразительные лики революции высвечиваются иногда в бесхитростных свидетельствах переживших её, когда у кого – то вдруг раскрывается душа и неожиданно проявляются истинные чувства человеческие. Воейков в своих воспоминаниях пишет, что приключился с его арестованной женой такой эпизод.

«Однажды, когда чины караула были посланы для арестования одного генерала, оставшийся в караульном помещении красноармеец вступил с женою в откровенную беседу: полушёпотом он рассказал ей о своём былом житье на фронте, об эпизодах боевой жизни; и вдруг преобразившись из красноармейского разгильдяя в дисциплинированного солдата старых времён, он с большою гордостью поведал о том, что у него имеется Георгиевский крест 4 – й степени, который ему приколот к груди сам великий князь Николай Николаевич. На вопрос, отчего он его не носит, солдат с глубоким вздохом ответил, что не такие теперь времена. О

преследованиях офицеров и массовых расстрелах он говорил с громадным возмущением, находя, что среди офицеров было много прекрасных, горячо любимых солдатами людей... Последние слова он произнёс совсем шёпотом.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.